

суығын, ауа райын көрсетіп тұратын бағабарометрі.

«Асылы, лирикалық шығарма ақынның көңіл күйіне құрылады дегенбіз; ақын онда өзін, өз сезімі мен сырын жырға айналдырады, өзі туралы сөйлейді. Ал, «ұлы ақын өзі туралы, өзінің жеке «мені» туралы айтса, ол – жалпы көпшілік туралы – бүкіл Адам баласы туралы айтқаны; өйткені оның тұлғасында жалпы Адам баласына тән қасиеттің бәрі бар» деп В. Белинский жазғандай, (В. Белинский, шығармалары, А, «Жазушы», 1987 жыл, 37-бет). ақын өзінің басындағы мұң мен сырды айтып отырғандай көрінгенмен, ол мұң мен сыр оқырманға да жат емес, тіпті кейде оның ішкі жан дүниесімен тереңнен қабысып, алыстан табысып, ақын мен оқырман арасындағы рухани байланыс телепатиялық байланысқа жетеді.

Демек, жоғарыда аттары аталып, шығармаларынан үзінділер келтірген ақындар - өз

заманының болмыс-бітімін шынайы зерделеген, дәуір тынысын өзіндік тақырыптық-көркемдік шеберлікпен көрсеткен қазақ поэзиясының көрнекті өкілдері.

1. Нұрсұлтан Назарбаев. «Қалың елім, қазағым», Алматы, «Өнер», 1998 жыл, 278-бет.
2. Нұрлан Оразалин. «Таңдамалы үш томдық туындылар», Алматы, «Жазушы», 2006 жыл.
3. Марфуға Айтқожа. «Жапырақтар жауғанда», Алматы, «Елорда», 2002 жыл, 247-бет.
4. Темірхан Медетбек. «Көк түріктер сарыны», Алматы, «Жазушы», 2007 жыл, 62-бет.
5. Күләш Ахметова. «Құт», Алматы, «Дәуір», 2005 жыл, 9-бет.
6. Әбіш Кекілбаев. «Шандоз», Атырау, «Атырау-баспа», 2003 жыл, 367-бет.
7. Серік Қирабаев. «Уақыт және қаламгер», әдеби жинақ, Алматы, «Жазушы», 1973 жыл, 82-бет.
8. В. Белинский. «Шығармалары», қазақ тілінде, Алматы, «Жазушы», 1987 жыл, 37-бет.
9. Рымғали Нұрғали. «Әуезов және алаш», Алматы, «Санат», 1997 жыл, 102-бет.

Яшар Худжестулла оглы Рзаев

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ РОМАНЕ (1930-1955 гг.)

В 1930-1950 гг. во время формирования по определенной схеме литературного метода социалистического реализма как в русской, так и в азербайджанской литературе тема литературных произведений была в основном связана с революционными событиями и производством. В романах в особенности была сильна тенденция, стремление отражать мощь, силу, пафос революции, ход гражданской войны, трудности и победу коллективизации на селе, создание портретов «несгибаемых» представителей рабочего класса. В произведениях великого мастера романа М.С.Ордубади, в романах «Шамо» (С.Рагимов), «Воскресший человек», «Манифест молодого человека» (Мир Джалал), «Мир рушится» (Абульгасан) «Половодье», «Утро» (М.Гусейн), «Араз» (А.Шаик), «Нина» (С.Рахман) и др. делалась попытка выполнить эту задачу на уровне идеологических требований. Эти романы, прежде всего, привлекают внимание художественно-эстетическими особенностями, воспроизведением, отражением национальной действительности, живых картин жизни, народного быта,

отдельными запоминающимися образами. Наряду с этим, стоит отметить и то, что если в это время в русской литературе были такие монументальные литературные образцы как «Тихий Дон» (М.Шолохов), «Хождение по мукам» (А.Толстой), азербайджанским романам не удалось раскрыть философии и суть революции.

Ещё в 20-е годы в азербайджанской литературе в этом направлении шли серьезные поиски, перебирались факты, но изложение темы, нужным образом не находило своего литературного решения. Азербайджанское литературоведение советского периода считало что, «славный и трудный путь» проделанный пролетариатом, который является самым революционным и боевым классом до тридцатых годов, на должном уровне не был отражен, в эпическом плане. Путь его (пролетариата-Я.Р.) формирования, влияние революции 1905-1907-годов на освободительное движение народов Востока, постепенное превращение пролетариата в мощную силу, Октябрьская революция и Апрельская (1920) «революция», гражданская война, народное движение против внешних захватчиков,

правление буржуазии и землевладельцев ждало своего реалистического решения в литературе. Эти темы, начиная с 30-ых годов, начали разрабатываться, особенно в романах.

В тридцатые годы в реализме начал проявляться излишний монументализм. Этими попытками мы уже встречаемся в наших первых романах – «Тайный Баку» и «Воюющий город», «Половодье» М.Гусейна, «Мир рушится» Абульгасана. Но если в этих произведениях отдельные картины жизни и нашли свое художественное отражение, образы, и в особенности главные герои были неполными.

Героями произведений написанных на революционную тему были коммунистами, комсомольцами и естественно, что эти образы олицетворяли коммунистическую идеологию. Идеологическая доктрина была такой: «герой обязательно должен был быть «положительным» типом человека, освобожденного от внутренних человеческих противоречий. Отрицательные обязательно должны были представлены негативно, мерзко, антиподами, как чуждым посторонним элементом общества. Конфликт должен был выделяться своей напряженностью. Советское общество, существующая действительность не должна была быть объектом критики, советский образ жизни должен был представлен светлым и оптимистичным, для примера будущим поколениям» (4, 28-29).

Требования к положительным героям в художественных произведениях были определены в рамках концепции социалистического реализма: общественная активность советского человека, боевые качества, высокий интернационализм, верность идеалам коммунизма, глубокая любовь к коллективу...

Критики советского периода, в пределах понятия социалистического реализма, с «убедительностью» уделяли преимущественное внимание раскрытию, анализу образа героя, его формированию в вышеуказанных ситуациях. Литературная критика требовала создания монументальных образов человека. Блистательность образов критики видели в их монументальности. Правда, они при этом отмечали ту роль, которую играли психологизм и сентиментализм в развитии жанра романа. Наряду с этим, в большинстве новых романов события, а иногда событийность занимало преимущественное положение.

В своих романах С.Рагимов, Абульгасан, М.Джалал наряду с событиями, оставляли место и для психологического анализа, и это со

стороны литературной критики воспринималось положительно. Вытеснение психологических чувств, интимных ощущений в Азербайджанских романах, где события и происшествия были сильными, считалось недостатком, но критика таких случаев велась в рамках идеологического подхода к художественному творчеству того времени. Например: «Этот недостаток если с одной стороны был признаком слабости таланта, то с другой стороны указывала на относительную нехватку литературного опыта для отражения силы и мощи революции» (2, 145).

Естественно что, герой должен был соответствовать тем требованиям, которые предъявлялись литературе, в том числе роману, в плане темы и идеи, и должны были отвечать этим критериям. Также необходимо принять во внимание то, что как мы отметили выше, и новое литературное поколение было сформировано в новом политико-идеологическом климате и их настроение соответствовало этому климату: как и все в новые поколения, они желали и стремились уничтожить, разрушить все старое, создать новое и это выражалось в идейно-содержательных направлениях художественного творчества.

Несмотря на все усилия, в азербайджанском романе тридцатых годов образы революционеров, ведущих борьбу во имя укрепления советской власти, не были совершенными и полными, не смогли подняться до уровня художественного образца, эти образы не смогли остаться в сознаниях как любимые и идеальные герои (как например, Овод Э.Войнич, или Павел Корчагин Н.Островского). И прежде всего, эти «революционные» образы «не были осознаны, восприняты в качестве национального типа» (5, 133). В свете этого возникает много вопросов: Какова роль азербайджанцев в большевизмском революционном движении, в общем? В апреле 1920 года революционным ли путем большевики захватили власть в Азербайджане? Была ли гражданская война в Азербайджане или все случившееся можно ли назвать «гражданской войной»?

Современные историко-социологические исследования принесли ясность многим событиям, связанным с этими вопросами. Думаем, насколько азербайджанский менталитет мог перекликаться с «большевицкой революционностью», «марксистским мировоззрением» и другими подобными понятиями в начале прошлого века? Здесь ещё существуют религиозные, социологические, исторические фак-

торы, образ жизни, установленный на основе определенных принципов на протяжении веков и множество других факторов. Сейчас никем не отвергается, что марксистская идеология в Азербайджан была экспортирована из России и что революционный дух чувствовался не во всем Азербайджане, а только в основном в Баку. А те, которые принесли эту революцию и хотели чтобы она прижилась были большевики из России, русские рабочие, которые были ведущей силой на фабриках и заводах Баку, также представители других наций, которым были чужды азербайджанские национальные идеи и чаяния, а также армянские дашнаки, которые прикрывались большевиками. Наверное, русские считали Баку не частью Азербайджана, а частью России, а армяне частью будущей Великой Армении. В большевистском революционном движении национальные интересы Азербайджана не принимались в расчет.

А такие, как Н.Нариманов, М.Азизбеков участвовали в революционном движении в рамках обещаний национальной программы большевиков. После октябрьской революции до 1918 года - до того времени когда национальное правительство добилось перемещения столицы из Гянджы в Баку, организованная в ту пору Бакинская Коммуна и Центрокаспийская диктатура, как общественно-политические структуры, не имели никакого отношения к Азербайджану. Азербайджанская Демократическая Республика, которая с мая 1918 года по апрель 1920 года была у власти в стране, была свергнута не путем революции, а путем переворота. Известно что, XI Красная Армия атаковала на Азербайджан и оккупировала Баку. Таким образом, о какой революции могла идти речь?

Или, вопрос так называемой «гражданской войны». Утверждение о том, что в Азербайджане была гражданская война не находит своего подтверждения. На местах происходили движения протеста против свержения национального правительства, оккупации Азербайджана большевистскими войсками, вооруженных силами, забастовки, столкновения. Гянджинская забастовка акты серьезного вооруженного сопротивления, которые имели место в Карабахе, Закаталах, Шеки, Шамкире, Нахичеване, и в других регионах, являются из числа этих выше указанных событий. Но это не было гражданской войной, а было борьбой населения, азербайджанцев против большевизма и оккупационной красной армии.

И в азербайджанских романах, написанных на революционную тему, несмотря на все

попытки их авторов показать обратное, можно увидеть, что революция не является «азербайджанским событием». Если в этих произведениях речь идет о художественном выражении различных жизненных ситуаций, различных человеческих отношений, то это представляет интерес для читателей. Но когда вопрос касается революционных событий, действий революционеров и их деятельности, художественно-эстетическое влияние как будто теряет свою силу, читателя совсем не интересует их убедительность, соответствие исторической действительности, и он как бы с нетерпением ждет перехода сюжетной линии на другие события. Вот один пример, связанный с комментарием к этому вопросу в современном литературоведении: Если в таких романах, как «Шамо», «Воскресший человек», «Мир рушится», «Тарлан», «Герой» реальность азербайджанского села, реальные картины жизни и быта находят свое конкретное художественное выражение, революционная работа, революционная деятельность, «социалистическая революционность» представляется на слишком абстрактном уровне – как рутинная «работа» (рутина) (5, 133).

Революционные образы не увеличивают художественную сущность этих произведений, не обогащают их поэтику. Революционность Шамо («Шамо»), Мардана («Манифест молодого человека»), Кадыра («Воскресший человек»), Вейса («Мир рушится»), Араза («Араз»), Байрама («Утро»), Аждара («Нина») вовсе не является следствием восприятия ими революции в качестве социально-теоретической категории для революционной миссии, а обуславливается спонтанным выбором, попыткой освободиться от бедности, липыми мотивами, желанием свести счеты с кем-то или дополнительным «занятием» для время провождения. Тут возникают вопросы: кроме них самих кому нужна была эта «революционность»? По какой причине они не живут инстинктами, которые формировались в течении тысячелетий в человеческой морали? Зачем Кадыр не в состоянии спасти свою родную жену, ценой своей жизни?

Зачем Шамо, который оставил в далеком, заброшенном селе Шехли отца-бедняка, сестру Гюльсанам, которая пережила много бед и наконец, свою любимую невесту Гемер, которая ради него готова была на всякие самопожертвования, и никак не пытается помочь им в их бедах и живет только с одной мыслью примкнуть к революционной деятельности и этим движением вернуться к себе в село? Даже его друг Ферзали, упрекая его за его беспечное

отношение к своим близким, хочет вернуть его к истинным реалиям жизни, и показать, что его революционные стремления, искания не стоят страданий близких (7, 608).

Ещё в десятые годы прошлого века, М.А.Расулзаде, корректируя и строго опровергая классовые учения большевизма, и отмечает, что не лозунг о «угнетенных классах», а лозунг о «угнетенных нациях» считается более родным и естественным для национальной азербайджанской реальности. Он также выдвигает против большевистского лозунга «свободу классам» свой лозунг «свободу народам». «В общем-то, реальность, которая в то время в России породила сознание общественной, классовой революции, то у нас породила национальное сознание - национальное движение. Именно оно (азербайджанство!) среди иттихада, большевизма, социал-демократии, которые являются родными или же не родными братьями, превратилось в родное дитя национальной среды. В то время «классовая борьба» в

Азербайджане была чужда социальной стихии и национально-нравственным учениям и она как идея была силой принесена в нашу среду со стороны» (3, 653-654).

1. Рагимов, С. Шамо. Баку: Азернешр, 1961 (на азерб. языке)

2. Халилов, Г. Из истории развития азербайджанского романа. Баку: Азернешр, 1973 (на азерб. языке)

3. Караев, Я. История: близкая и далекая. Баку: Сабах, 1996 (на азерб. языке)

4. Юсифли, В., Юсифли, Дж. Что за волшебство такое. Баку: Элм, 1999 (на азерб. языке)

5. Алишаноглы, Т. Поэтика азербайджанской прозы. Баку: Элм, 2006 (на азерб. языке)

* * *

Bolshevik revolution existence matters of the movement and development of the revolution were the main subject of the new Azerbaijan novels of 1930-50 years. In fact, the main heroes of those works of literature were the revolutionaries. In the article, the regard is expressed to the revolution and revolutionary conceptions from the point of new social-literary thought, political-literary features of the very novels written in the level of concrete demands of the socialist realism method is stated.

Сайын Шаймерден

САФУАН ШАЙМЕРДЕНОВ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ ОБРАЗ, МІНЕЗ ЖӘНЕ ТАБИҒАТ («МЕЗГІЛ» ХИКАЯСЫ МЫСАЛЫНДА)

Қазақ көркем сөзінің жұлдызы жарық тұғырлы тұлғаларының бірі Сафуан Шаймерденовтің әдеби мұрасы ұлттық әдебиетімізде қайталанбайтын қолтаңбасымен, көркемсөз өрнектерінің шеберлігімен ерекшелетіні рас.

Академик З. Қабдолов жазушы туралы: «Сафуан Шаймерденовтің қаламгер ретіндегі қадірі, оның қолынан шыққан бұйымдардың өнер туындысы ретіндегі қасиеті неде? Бұл сұраққа жауап беру үшін Сафуанның суреткерлік табиғатына тән айрықша сипаттарды атап өтпеске болмайды», -деп жазған болатын [1].

Сафуан Шаймерденов шығармашылығын тілге мұқият адам, талғампаз адам, мәдениетті жазушы, сыршыл суреткер деп академик З. Қабдолов бағалайды. Және де ұлы ұстаздың жазушыға берген бағасы өте дәл, өте орынды екені оның шығармаларымен сусындаған сайын көз жеткізе түсуге болады.

Әдебиет теоритиктері көркем сөз тарихында 30-50 жылдарды социалистік реализм мен француздық структурализм (кейде постструк-

турализм деп те аталады) бағыттары қатарлас келген тұс деп жазады. Бұл кезең постмодернизмдік «жаңа романның», яғни эстетикалық туындылардың дүниеге келуімен ерекшеленді [2].

Иә, қазақ әдебиетінің сөз өнеріндегі теориялық мәселелерін зерттеген академик З. Қабдолов ерекше қадір тұтып, қадірлеген жазушының қай шығармасы болмасын оқырманын еріксіз еліктіріп, эстетикалық бай қуатымен жетелеп әкететін сиқыры бар. Әсіресе, қазақ әдебиетінде ана образын жаңа қырынан сомдап, соның ішінде өгей анаға деген ыстық сезімдерін сыйлаған жазушының «Мезгіл» хикаясының орны ерекше.

«Ағалардың алақаны» аталатын жинағы 1988 жылы Мемлекеттік сыйлыққа ие болғанды. Осы жинақ 2001 жылы жазушының 4 томдық шығармалар жинағының 4-томына енеді. Осы томның әлқиссасы болған «Бір табанан» повесіне жазушы төмендегіше нүкте қояды: